

18+

Сергей Родин

Бегство

*Сборник коротких
рассказов*

Сергей Родин

**Бегство. Сборник
коротких рассказов**

«Издательские решения»

Родин С.

Бегство. Сборник коротких рассказов / С. Родин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-607574-0

Сборник коротких рассказов «Бегство» — это фантастическое литературное путешествие, выполненное в духе Шарля Бодлера и Уильяма Сьюарда Берроуза. В этой коллекции читателей ждут разнообразные повести, где реальность и фантазия переплетаются в удивительные образы и сюжеты. «Бегство» — это коллаж впечатлений и чувств, который увлечет читателя в вихрь фантазий, и предложит отправиться в умопомрачительное приключение, исследуя грани между сновидениями и реальностью.

ISBN 978-5-00-607574-0

© Родин С.
© Издательские решения

Содержание

Бегство	6
В лабиринте	8
Вечерний закат	10
Воспоминание	12
Две чашки кофе	14
Дорога домой	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Бегство

Сборник коротких рассказов

Сергей Родин

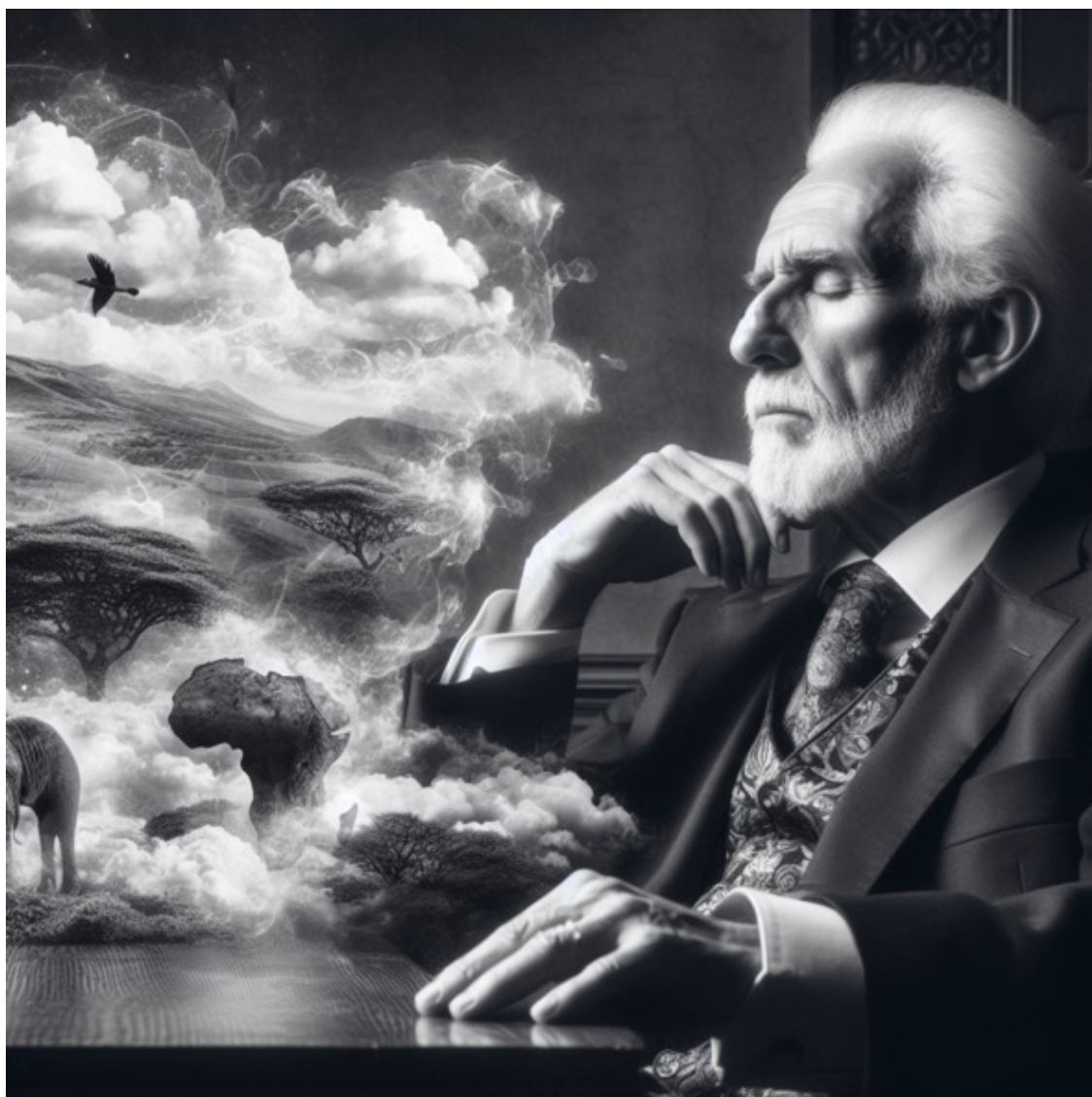
© Сергей Родин, 2023

ISBN 978-5-0060-7574-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бегство

Господин Н. сидел в мягком кожаном кресле и, закрыв глаза, размышлял. Перед его мысленным взором проносились никогда не виденные картины мягких пастельных тонов, сумрачные ночи, когда луна то скрывается за деревьями, то возникает, а сами деревья – как призрачные храмы, темные и полные прохлады. Перед его мысленным взором мелькали тропинки, заросшие душистой травой, на стеблях которой еще дрожит дыхание дождя, капли расплавленного серебра, прикосновения неведомых рук, струи багряного света. Он видел опаловые цвета, перемешанные с мерцающим сиянием лагун. Холодные гроты, наполненные синевой, запахами водорослей и тихим, таким тихим, далеким и призрачным капаньем воды с ледяных потолков. Господин Н. позволил себе глубоко вздохнуть и прыгнул с обрыва вниз, и пока он летел рядом с искрящейся струей водопада, весь окутанный облаками брызг, похожий на растрепанную гордую птицу, его жена приказала подавать обед. Он разбился об искрящуюся поверхность воды и быстро выбрался на берег. Вдалеке, за двумя утесами, скрытыми в утренней дымке, рокотал прибой. Служанки начали сервировать стол. Солнце уже встало. Крики птиц и шелест огромных масс воздуха, пробегающих над холмами, заставили его броситься вперед и бежать изо всех сил. Так он и сидел в своем мягком кожаном кресле, в богато обставленной гостиной, в своем собственном доме в одном из душных городов измученного старого света.

В лабиринте

Тело молодого индейца – смуглое, ловкое, быстрое, было покрыто черным узором татуировок. С какой ловкостью этот человек спрыгнул вниз в пропасть и исчез в бездне. Я видел, как он повернулся к нам, стоящим в темноте каменного хода, и его глаза улыбнулись мне. Я помню, как его стройное тело напряглось на мгновение, но затем сразу же расслабилось – его глаза казались мне двумя прозрачными, полными мерцающего света озерами. Он смотрел на меня, будто бы не решаясь, что-то сказать, но в то же время – говоря мне что-то. Я помню, как он повернулся к огромной пропасти, к пугающей бездне, затянутой туманом и облаками, и вытянул руки в стороны. Он был струной, стремительной, потянутой к небу. И вот – без всякого предупреждения, без единого звука и крика, он оттолкнулся от края и взмыл вверх. Его тело повисло в воздухе и стремительно унеслось вниз. Мы, стоящие позади него, застыли, пораженные. Потом, мы, один за другим повернулись назад, и пошли по каменному ходу в темноту. Мы погружались все глубже и глубже в толщу скал и земли, уходя от страшной двери в бездну. Я шел последним, следуя за светом факелов. Внезапно я понял, что плачу. По моим щекам беззвучно текли слезы и капали вниз под ноги. Я удивился и принялся вытирать их, но они все текли и текли, никак не желая останавливаться. Мы погружались все глубже и глубже в скалы и вскоре каменный ход, которым мы шли, расширился и разделился на два. Мы выбрали одно направление и снова шли вперед, а у меня перед глазами пылали два огненных озера – вопрошающие, полные скрытой силы, скорбные и в то же время торжественные. Что я знал об этом молодом индейце? Я знал лишь то, что он чаще других ходил к двери в бездну и подолгу сидел на ее краю, держась руками за камни. Я знал так же, что он не был разговорчив и мало внимания уделял окружающим. Я слышал, что он был странным. Вот и все, что я знал о нем. Я видел его пару раз в подземных лабиринтах, но никогда не начинал с ним разговор. Мы сменили еще один каменный коридор, и я почувствовал, как воздух меняется – он стал более холодным и походил теперь на тихую, спокойно движущуюся реку. В темноте, полной колеблющихся теней, мы шли вперед и вниз. Наконец мы вышли в широкий зал. Я знал, что мы на самой окраине огромного подземного города, одного из сотен подземных городов. Я вытер слезы и направился к знакомому мне проходу в дальнем углу зала, под высокой аркой. Пройдя под аркой, я оказался на своем рабочем месте – я сел за широкий письменный стол из красного дерева и открыл лежащую на нем папку с бумагами. Мои глаза были открыты, но случилось что-то необъяснимое – мне удалось открыть их еще раз, на этот раз гораздо глубже. Я сидел в своем кресле, в своем кабинете и в пепельнице дымилась еще не докуренная сигара. За окном тихо падал снег, за стеной слышались шаги служащих и негромкие голоса. Завтра Рождество. Эта мысль как-то успокоила меня. Нужно купить подарки жене и детям. Я потянулся и посмотрел на часы. Без четверти шесть. Перед моими глазами вспыхнули два раскаленных озера. Я снова увидел, как тело индейца исчезает в пустоте. Нужно ехать. Я вызвал машину и спустился на лифте вниз.

Через час, когда все подарки куплены, моя машина выезжает из центра города и несется по трассе к пригороду, где находился мой дом. Меня уже ждут. Последние рождественские приготовления. Запах хвои. Снег так стремительно летит, бьется о поверхность. Я гляжу за стекло – стремительная синева, пронзенная одинокими лучами света проносящихся мимо машин. Я опускаю голову и обхватываю ее обеими руками. Тебе что, плохо, вопрошает какая-то часть меня. Я сижу совершенно неподвижно, храня молчание. Я вспоминаю весь прошедший день. И тогда я вспоминаю смуглую фигуру человека, застывшую над бездной. Он поворачивается ко мне и будто пытается что-то сказать. Я внимательно и придирчиво изучаю его лицо. Что в нем такого? Мои глаза встречают его глаза – мне кажется, что индеец слегка улыбается. На дне двух огненных озер его души я встречаю печаль. Внутри меня будто бы взрывается

граната. Все мое тело вздрагивает и застывает неподвижно. Точно так же немеет мой разум, пораженный пониманием. Моя машина набирает скорость, разрезая темноту. В безмолвном страхе я гляжу на темный океан неба – как далеко уходит этот каменный потолок? Как глубоко удалось мне забраться? Моя машина несется вперед, петляя по каменным коридорам, сворачивая в боковые ходы, унося меня вниз, в самый низ, в самую глубину темных лабиринтов, в самую толщу скал, туда, где царит абсолютная темнота. Нет, не отворачивайся, не уходи, прошу я и понимаю, что не имею права останавливать его. Индеец бросает на меня последний взгляд и выпрямляется на краю. У меня уже нет слез.

Мысленно созерцая опустевшее место на краю, я начинаю понимать, что у меня, может быть, еще есть надежда.

Вечерний закат

Я наблюдал, как в небе над городом полыхает яркое пламя заката. Его чудесный, тихий и в тоже время исполненный силы, мягкий, пастельных тонов цвет лежал в небесной глубине над городом и бросал на все лица, на деревья, на темную громаду листьев – синюю, на тяжелую реку, на кружащихся над нею насекомых, бросал свой багряный оттенок. Река поглощала его свет и отражала, спокойная и ленивая. Течение без конца и начала, тихая прохлада, скрипение стволов на островах, шум воды под корягами – все это плавало в ярком тумане заката, под длинными, на все небо, рыжими полосами облаков. Город стоял, обнимаемый с одного края рекой, и его шпили, его черепичные крыши, его мостовые, его вывески, его флаги, его дворы, его каменные статуи, все это медленно уплывало в ночь, все это медленно остывало в затухающем пламени, бледнело, источалось, набирало темные краски, мощные, сильные, дышащие сном, холодом и меланхолией.

В глубине алькова блестело серебро – ужин готов. Солнце зашло. Уходит за далекие холмы свет, оставляя нас в бесплодной пустыне ночи. Я гляжу на твое лицо – оно так печально, так прекрасно. Твои глаза, твои бледные щеки, твой темный рот. В твоих зрачках я вижу зеленый отблеск неба. Я целую тебя и мне хочется, чтобы ты спасла меня от одиночества. Еще одна длинная ночь. Я гляжу на тебя и понимаю, что твои прекрасные щеки когда-то сгниют, твои нежные губы когда-то сгниют и разложатся, твои глаза пропадут в мягкой земле и руки, сейчас обнимающие меня, будут лишь горстью праха. Я целую тебя и в моей голове звенит мысль о том, что все, что сейчас я люблю – это уже ничто. Я сам – лишь холодный труп, похороненный под толщей земли. Но я целую тебя, чувствуя, как ночь постепенно наполняет меня тоской и горечью, когда я понимаю, что все вокруг очень глупо. Я пытаюсь просто целовать тебя. Я пытаюсь развеселить себя, когда представляю нас, как двух скелетов, обнимающихся и признающих друг другу в любви.

Воспоминание

Когда я смотрю на людей, я вижу их внешние оболочки, которые шагают по мостовым, улыбаются, радуются и корчат рожи. Люди стали своими собственными оболочками – испарения их мыслей вертятся вокруг инертной груды материи.

Я стою посреди людского потока. На мне черный сюртук, в моих руках фамильная трость, мои волосы напмажены и приведены в порядок, мое лицо гладко выбрито и глаза глядят из глубины глазных впадин. Кроме сюртука, на мне мое тело. Мое тело дышит; я чувствую прикосновение белой накрахмаленной рубашки, чувствую, как пальцы едва заметно дрожат, сжимая трость. Мой ум мечется от одного чувства к другому: от обоняния к осязанию, от осязания к вкусу дыма во рту, от вкуса к созерцанию длинной, заполненной народом улицы, которая освещена заходящим солнцем, чьи лучи пробиваются сквозь мягкий шелк городских туманов – прозрачных, невесомых, едких, трепещущее-сладких, ослепительных. Солнце садится, высокие башни домов, дворцов и соборов похожи на темно-синие силуэты, парящие в его бархатном свете. Улица полна людей. Они идут прочь от дневного светила, навстречу надвигающейся ночи, которая уже смотрит, шириться изо всех углов, подворотен и маленьких боковых улочек. Ночь уже набирает силу под мостами.

Я стою неподвижно и смотрю на людей. Совсем как животные они думают только об одном – об удовольствии. Они, закованные в темницы своих собственных тел, спешат удовлетворить любые потребности сковывающих их коконов. Господи! Милосердный!

Я вспоминаю, как вчера видел смерть. Человек сбросил свое высохшее старое одеяние и оставил его на пороге трактира. Он был испуган, он получил свободу. Я с ужасом наблюдал за ним: за узником, слишком долго прожившим в тюрьме, и теперь в отчаянии, протягивающем к ней руки, не зная, что делать. Я увидел всю его жизнь, половину из которой он провел в трактире, а половину на полях, зарабатывая на трактир. Светлые линии перемешивались с темными и тянулись к нему, тянулись. Жизнь его была как сон, полный опьянения, полный кровавого вина, полный жизненной требухи, которой требовал ненасытный аппетит его чувств. Я усмехнулся. Я знал, что испуганный человек, обретший свободу, скоро потеряет ее по своей воле – часовой механизм мироздания повернется неслышно, невидимо, мгновенно перемалывая миллионы живых существ, и человека засосет в новое тело, которое начнется вместе со спермой неведомого отца через сотни или тысячи лет, в странах, которых еще нет на картах. Человек попадет во влажное лоно и начнет развиваться – на него будет наслаиваться одна оболочка за другой, пока вместе с кровью и слизью он не будет выброшен в холодный воздух внешнего мира. В этом внешнем мире им будут управлять либо его рецепторы, либо его ум, либо его неверное представление о себе, либо все это вместе. Я покрылся холодным потом, когда представил себе все это, и мне захотелось закричать, глядя на беспомощного человека, чье вторичное тело, сотканное из тонких и неведомых тканей, медленно исчезало и таяло. Мне захотелось закричать, но звуки застыли у меня в горле, превратившись в чугун.

Передо мной бурлит людской поток. Солнце уже село. Очнувшись от воспоминаний, я начинаю медленно двигаться к далеким полям, через улицы и площади города животных.

Две чашки кофе

Да, это город. Это город огней. Молчание. Улицы в темноте. Только яркие острова реклам. Посреди холода и ночи. От чашек кофе поднимается пар. Две чашки кофе в ярко освещенном кафе. Две чашки кофе посреди молчания. Молчания стульев, молчания столов. Молчит спина уборщика. Кто-то забыл газету. Электрический свет отражается от поверхности стола. Мягкие красные стулья. За окном река темноты. Дверь закрыта. В отражении видна тишина. Только две чашки кофе. Две чашки кофе, чтобы прогнать усталость. Глаза слипаются. Такие мягкие стулья. Просто сидеть. Просто сидеть. Просто сидеть. От кофе поднимается пар. Так терпко, так горячо. Ворот пальто поднят. Случайный посетитель. Я случайный посетитель. Всего лишь обрывки мыслей. Мир мигает. Так непоколебимо. Уборщик опускает в ведро швабру. Грязная вода стекает на белые плитки пола. Мелочь в кармане – можно доехать до пригорода. Где-то далеко потухший и темный, пустой дом. Четыре часа ночи. Где-то далеко, за железнодорожными рельсами, остывший дом. Два этажа темноты. Скоро пройдет поезд. Свет ламп бьет резко, ярко. На улице ветер кружит обрывки газет. Скоро начнет светиться горизонт. Бледная линия. Шириться. Шириться. Все шире. Скоро я буду дома.

Дорога домой

Мы с другом сильно напились ночью, сидя под деревом и наблюдая, как в городе меркнут огни. Дерево было огромное, его крона закрывала от нас холодное небо. Я, захлебываясь смехом, так как мы обсуждали особенности сестры моего друга, которая была известная в округе толстуха, собрался идти домой. Мой друг остался лежать в тени дерева, похожий на труп – он совершенно не мог идти. Я, слегка пошатываясь, отправился в дорогу. Я спустился с холма и пошел вдоль огромного поля. Мне казалось, что я иду через пустыню – так безжизненно было это пространство, лежащее под темным небом. Я шел и шел, с трудом переставляя ноги. До рассвета было еще далеко. Я шел и шел. Когда я подошел к холмам, покрытым высоким лесом, я увидел впереди слабый трепещущий огонек. Идя мимо заросшей диким травами и кустами чащи, над которой поднимались стройные величественные деревья, я ощущал странное спокойствие. Здесь, в этом краю мой дом. Я шел все дальше и дальше, и в какой-то момент свернул с дороги, в ту сторону, где видел огонь. Я легко прошел сквозь чащу и оказался в ложбине между деревьями. Там я повстречал двух людей. Их лица походили на белые маски, отлитые из воска, а тела судорожно дергались, словно они были марионетками и их руки и ноги были привязаны к веревочкам. Рядом с ними дрожал огонь в керосиновом фонаре. Мой взгляд отметил чернеющий провал могилы, которую они копали, и покрытые черноземом лопаты. Люди не обратили на меня особого внимания – они, крича и ругаясь, взяли с обеих сторон огромный сверток, похожий на чье-то тело и начали подтаскивать его к могиле. Я шагнул вперед и потушил фонарь. В одно мгновение все окутала липкая тьма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.